

Полина Гришакова

Мы уходим

Полина Гришакова

Мы уходим

«Автор»

2024

Гришакова П.

Мы уходим / П. Гришакова — «Автор», 2024

Рано или поздно мы все сталкиваемся со смертью. Пока не дошли до своей финальной точки, мы переживаем уход близких и друзей, и тогда что-то неизбежно меняется внутри нас. Однако горе - шанс обрести нечто ценное и необходимое, чтобы продолжать жить дальше.

© Гришакова П., 2024

© Автор, 2024

Полина Гришакова

Мы уходим

I. Меня забирают

Тогда была математика. Это я помню особенно отчётливо. С лицами, раскрасневшимися после физкультуры, мы влетели в класс с последним звонком, бросили сумки на парты, едва не проломив ими столешницы. Мыслями мы ещё были в футбольном матче: всего десять минут назад мы сражались не на жизнь, а на смерть, как будто на кону был не меньше Чемпионат мира, – а теперь вынуждены сорок пять минут сидеть на жёстких стульях и вертеть в мозгах цифры и символы. В душе было и без того кисло, запал от игры постепенно испарялся, а его место занимал колючий страх, что могут вызвать к доске.

Как только переступил порог класса, я вспомнил, что не сделал домашку. Руки похолодели от ужаса. Перед глазами тут же встала картина: училка проводит карандашом по списку в журнале и останавливается на моей фамилии. Вызывает со словами: «давно ты у доски не был, надо тройку исправлять». С трудом поднимаю отяжелевшее тело, опираясь на парту, пытаюсь сглотнуть, но почти нечем – в горле пересохло, как в Сахаре. Как могу, тяну время: почти спотыкаюсь о собственные ноги, вспоминаю, что забыл на столе тетрадку, возвращаюсь. Лихорадочно соображаю, как бы отвертеться, что сказать в своё оправдание. Домашняя работа в другой тетради? Забыл дома? Съела собака? Так у нас собаки-то нет, не прокатит. Ну, тогда скажу, что только завели.

Учительница зашла в класс, и меня окатило волной страха. Встал вместе с остальными. Когда она разрешила сесть, плюхнулся на своё место и тут же прижал голову, чтобы меня не было видно из-за спины Женьки. И почему он такой мелкий? Не спрячешься за ним толком. Вот если б был, как Серёжка, – тот вон как за лето вымахал, на старшекласника стал почти похож. Или отрастил бы шевелюру: я видел из соседнего класса одного, так у него не голова, а одуванчик какой-то – волосы во все стороны торчат. За таким точно училка не заметит. А Женька, как специально, стрижётся коротко. Запретить бы короткие стрижки, тогда и двоек было бы меньше.

Притихли все. Смотрю по сторонам: уткнули носы в учебники или тетрадки листают – только делают вид, что повторяют. Я и сам потянулся за книгой и отчаянно нырнул в неё. Украдкой бросил взгляд в тетрадь соседки. Маринка эта хитрющая локтями всё закрыла. А я думал, спишу у неё или подгляжу хотя бы самое начало. Попросишь ведь – откажет, да ещё самодовольно так, как будто одолжение у неё просишь. Нет, уж лучше двойку получить, чем унижаться.

В классе тишина, даже муху слышно. Марь Витальевна поправляет очки, спрашивает, кто готов домашнюю работу отвечать. Молчим. Даже отличницы молчат, проклятушие. Вызывают Степанова, и все вздыхают с облегчением. Да, ему же исправляться нужно, он на прошлой неделе контрольную завалил. Чего это я волновался так? Даже глупо как-то.

Мнётся Степанов. Понимаю, что и он не сделал домашку. А я ещё посмел на него надеяться! Не признаётся – а вот это по-нашему! Пусть время потянет, товарищей выручит. Ему пары не избежать уже, а нам всяко меньше достанется, если он подольше выкручиваться будет.

Не выйдет актёра из Степанова. Сдался почти сразу, посыпался. И пяти минут у доски не простоял. Я думал, хоть училка нотации начнёт ему читать, а там и пол урока уже пройдёт. Но она быстро управилась, всего лишь назвала Степанова безответственным и вlepила двойку. Он, понурый, вернулся на место, а мы снова отгородились от учительского стола книгами и тетрадками.

Вновь страх окутал меня с ног до головы, и теперь я был уверен, что следующий черёд уж точно мой. Приковал взгляд к Марь Витальевне, готовой вот-вот стать моим палачом. Вот она

склоняет лицо над журналом, и очки чуть спадают с носа. Вот проводит худощавым пальцем по странице, то останавливаясь на какой-нибудь строчке, то продолжая скользить вниз. Те, чьи фамилии в начале списка, вздохнули с облегчением. Везунчики. А моя вот ближе к концу, так что напрягаюсь всё сильнее с каждой секундой.

Её палец остановился. Возможно на моей фамилии. Открывает рот. Сейчас произнесёт. Как же я хочу исчезнуть!

В дверь постучали, и, не дождавшись разрешения, в класс вошла моя мама. Все оцепенели от неожиданности, наверное, училка тоже. Она поднялась в растерянности, так и оставив палец на строчке в журнале. Мама нашла взглядом меня, прошагала к учительскому столу и что-то зашептала Марь Витальевне. Та изменилась в лице, как будто испугалась. Обе посмотрели на меня с жалостью, и я почувствовал, как горят уши.

В голове опустело. Как и остальные в классе, я тупо наблюдал за происходящим с раскрытым учебником в руках. В мозгу вяло пронеслась мысль: «Что здесь делает моя мама? В это время она должна быть на работе», – но она не успела развиваться.

– Миша, пойдём, – сказала мама как-то хрипло, – на сегодня я тебя забираю.

Не сразу сообразил, что от меня хотят. Машинально встал, когда мама протянула мне бледную руку. Сгрёб тетрадь и учебник в рюкзак – ручку я, кажется, тогда уронил и потом так и не нашёл – и последовал за мамой прочь из кабинета. Знал, что все в классе пялились на меня, но сам понимал не меньше, чем они: просто шёл, куда меня вели.

Я прикрыл за собой дверь, и мама повела меня по коридору. Из кабинетов были слышны голоса – урок в самом разгаре, а мы проходим мимо, как будто имеем право вот так просто разгуливать. Я даже представил, что мы с мамой стали невидимыми или находимся в параллельном мире: все страдают, учатся, а мы вот так просто идём, никем не замеченные. И нас не касаются никакие расписания, обязанности, правила, которым подчиняются все остальные. Мы – это просто мы, идущие куда-то, возможно, без цели, но такие свободные. Почему-то я обрадовался. Даже как-то было всё равно, по какой причине мама вот так заявила в школу посреди дня. Пока мы спускались по узкой пыльной лестнице, я едва чувствовал ступени, казалось, парю – так мне было радостно. Вероятно, я улыбался, но мама шла впереди и не заметила моей радости.

Достигнув первого этажа, мы прошли к раздевалке. Только там, среди рядов развешанных со всех сторон пёстрых курток, мама остановилась, но так и осталась ко мне спиной. Я вопросительно глядел на неё, ожидая объяснений. Она всё же решила обернуться, встретилась со мной взглядами и тут же опустила глаза. Мама всё так же сжимала мою руку в своей руке, и тут я заметил, что она дрожала. Мои ладони похолодели. Радость тонкой струйкой выливалась из меня, оставляя внутри пустоту. Искра надежды кольнула под ключицами: сейчас мама улыбнётся и скажет, что мы едем в аквапарк или на матч. Обязательно, в любую секунду. Но мгновением позже меня макнули лицом прямо в грязную, густую жизнь.

Сначала я не понял смысл сказанных мамой слов, поэтому никак не отреагировал. Только когда она уже обнимала меня, сотрясаясь от приглушённых рыданий, я начал соображать, что мне только что сообщили. Мама сказала, что умер дедушка. Слышать это было странно. Я сначала подумал, что она шутит. Но мама прижимала меня так сильно, и моё плечо даже стало мокрым от её слёз – вряд ли это всё ради того, чтобы подшутить надо мной.

И тут моё тело всё содрогнулось, как от электрического разряда. Получается, это правда – то, что она сказала. Но мне всё равно не верилось. Хотелось сказать «нет, это всё неправда, ты обманываешь», но так и не произнёс ничего.

В раздевалку вбежал кто-то из младшекласников – и что они только здесь делают посреди урока? Мне стало неловко от того, что мама продолжала меня обнимать, а этот кто-то на нас пялится. Выглядели мы со стороны, наверное, очень глупо. Захотелось, чтобы мама

меня отпустила. А она всё обнимала меня и тихо плакала. Мне стало не по себе от того, что я сам не плачу. Поэтому я прижался к маме сильнее и неуклюже погладил её по голове.

Уж лучше бы я остался на математике.

Следующие часы были сущим кошмаром. Толком не помню, как мы добрались до дома. Я плюхнулся на диван и просто сидел, рассматривал свои ладони. Мама металась по квартире, находя себе тысячи дел, что-то искала, говорила по телефону, изредка плакала, потом подолгу молчала. За всё это время она ни разу не обратила на меня внимания, и я был этому только рад. Если вообще то, что я испытывал, можно назвать радостью.

Мы редко бывали у бабушки с дедушкой, разве что только по праздникам или каким-то особенным дням. Бывало, приедем гурьбой: я, мама, сестра с братом, бабушка откроет дверь, улыбается, а глаза её превращаются в маленькие щёлочки. Если она так жмурится – это значит, она очень рада. И мне сразу тоже радостно становилось. Бабушка всегда давала нам много разных сладостей, мы уезжали от неё с карманами, полными конфет. Дедушка разговаривал с нами редко. У него вроде бы болели ноги, и из-за этого он был постоянно хмурый. Он всё время сидел в кресле, прикрыв колени клетчатым пледом, и ухмылялся, даже если не было ничего смешного. Смотрит новости по старенькому телевизору и всё ухмыляется – а там ужасы показывают. Станный у нас дедушка. Был. Теперь надо привыкать к этому слову.

Мои размышления прервал звук поворачивающегося ключа в замочной скважине – это брат пришёл из школы. В следующем году он выпускается и на учебу ездит на метро. Вернулся раньше обычного – видимо, его мама тоже отпросила. Лицо у него было мрачнее некуда. Он бросил сумку прямо посреди коридора, кое-как стянул ботинки и протопал на кухню, где мама говорила по телефону с очередной родственницей. Сначала в кухне всё затихло, потом они немного поговорили, и мама начала плакать. Я не пошёл к ним. Слышать всё это было больно, а уж видеть эту картину мне тем более не хотелось.

Всхлипы стихли, послышались шаги. Брат вошёл в комнату, посмотрел на меня пустым взглядом. Я невольно вздрогнул, сжал руки в кулаки, словно готовясь к бою.

– Ты как, Мих? – бросил он отсутствующе. Только делал вид, что ему есть до меня дело.

– Нормально вроде? – больше спросил я, потому что не знал, какой должен быть ответ.

Брат сочувственно улыбнулся, но вышло как-то жалко и отталкивающе.

– Ты это, крепись. Нужно держаться вместе. – Он подошёл ко мне и похлопал по плечу.

Рука его была тяжёлой.

Через час мы вышли из дома и поехали к бабушке. Пока стояли на лестничной клетке и ждали, когда нам откроют дверь, мне хотелось сорваться с места и убежать. Дверь открыла бабушка. Её глаза не походили на щёлки, а впали, потемнели. Лицу как будто тяжело было их держать. Когда она посмотрела на меня так печально, слезливо, я понял, что не хочу переступать порог.

Всё-таки войти пришлось. Мама с бабушкой обнялись, заплакали. Мы с братом стояли в стороне, не догадавшись снять куртки или разуться. Затем бабушка подошла к нам и обняла по очереди. От этого объятия мне стало холодно, и я просто ждал, когда оно закончится.

После нас с братом оставили одних в пустом пасмурном коридоре. Мы одновременно вышли из оцепенения и принялись раздеваться в полном молчании. Повесив куртку на крючок, брат посмотрел на меня как-то беспомощно, словно это я был старше него и мог бы подсказать, что делать дальше. Но мне это было известно не больше, чем ему. Пока нас не окликнула мама, мы так и стояли посреди коридора, глядя на друга, как два беспомощных тушканчика. Почему тушканчика? Просто в голову пришло сравнение, не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.